

Ирину Анатольевну Антонову я знаю много лет. Всегда с интересом читаю любое её произведение, будь то проза или стихи. С давних пор публикую в международном альманахе «Муза», где выступления её нередко украшают номер.

Талант Ирины Антоновой неоспорим. Её удивительные эссе, сам дух воспоминаний, язык прозы воспринимаются как достойные образцы настоящей художественной литературы.

На стыке эссе и мемуаров — очерк «Тени имён на тарусских холмах». Богатый фактами биографии автора, связанного с Тарусой разных лет, с тенью Цветаевой, которой давно уже нет в живых, воспринимается как память об утрате святынь и читается с большим интересом. Не случайно в конце возникает Паустовский — «тарусский затворник», уже тяжело больной, доживающий в ней свои дни. В газетах идёт его травля, а семья автора приносит и передаёт для него цветы. Этот эпизод — символ утраты культурных традиций на переломе российских эпох...

В эссе «Александр Вертинский» — ощутимая боль, трагедия русского дворянства, к которому по происхождению принадлежит Ирина Антонова. Рухнувший мир подлинных интеллигентов. Трагические коллизии собственной жизни, судьбы родных и близких людей, вынужденных скрывать дворянские родословные, потеря положения в обществе от рождения и навсегда — связывают автора с памятью о Вертинском — таким же символом, как память о старой, порушенной, поникшей Тарусе, в тисках «новых русских» утратившей лик... Эта боль звучит и в строках Вертинского, Игоря Северянина, Ярослава Смелякова:

Я могу смеяться над его искусством,
Я могу заплакать над его тоской...

Говорят: о чём бы ни писал писатель, он так или иначе пишет о себе. Проза Ирины Антоновой (и стихи тоже!) автобиографична, даже если главным героем выступает девочка («Именины бабушки»). То же — в новеллах «Архиповна и Настя», «Полон мир теплом, стрекозами...». Последняя — поразительно проникновенный художественный документ о супругах-дворянах в условиях рухнувшей культуры; о роли семьи в эстетическом воспитании автора. Всё это — картины её детства или эпизоды последующей жизни. По жанру — художественно-документальные новеллы, часто с преобладанием художественного. Случай становится предметом повествования, всплывшая в памяти картина — его сюжетной основой.

Так, рассказ «Море» состоит из ряда самостоятельных миниатюрных новелл, каждая из них могла бы существовать и отдельно. Часть истории её детства, случаи, случаи, случаи...

Мемуарное эссе «Магия притяжения» — о поэзии в доме детства автора. О влиянии на неё таких разных и непохожих поэтов, как Мей, Майков, Тютчев, с одной стороны, и крестьянский поэт Пётр Орешин, иронически мудрый Саша Чёрный — с другой. Поэзия, классическая опера, романсы проходят через жизнь автора; влияние их — на всём её творчестве...

Нельзя не сказать об эссе памяти поэта Валентина Терещенко — «Был я весь, как запущенный сад...» С талантливым этим поэтом автор прожила жизнь, он был её спутником и вдохновителем. Трогает: поэта много лет нет в живых, а Антонова бережно хранит дорогую ей память о нём и рассказывает нам о его творчестве...

Новая книга Антоновой побуждает задуматься о судьбе России в смутное время самоутверждения олигархов, господства любительщины и опошления вкуса, в эпоху уничтожения подлинной культуры. В этом значимость книги Ирины Антоновой, её роль.

Валерий Лебединский,
*главный редактор международного
литературного альманаха «Муза»,
лауреат литературных премий*